

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Дворцова Надежда. Украсть и вернуться: Рассказ –
Новокузнецк, 2009

Надежда ДВОРЦОВА
Украсть и вернуться

Рассказ

Новокузнецк
2009

Ответственный за выпуск – Калашников Н.Н.

ДВОРЦОВА Надежда Ивановна родилась 5 мая 1965 г. в Новокузнецке. Закончила Кемеровский медицинский институт в 1989 г. Работает участковым врачом-педиатром. В КЛФ «Контакт» пришла в октябре 2003 г. Первая публикация – рассказ «Что?» – в сборнике «Люди в квадрате»: Проза «Контакта» (Новокузнецк, 2004). Публиковалась в местных газетах. Рассказы «Что?» и «Еще раз о героях», а также сказочная повесть «Айк, Мяврик, Ян и старенькая колдунья: Необычайные приключения Алены в Колдовалом лесу» опубликованы в журнале «Мир фантастики» (2006.– № 6.– На диске).

Замысел рассказа «Украсть и вернуться» возник на игре «Славянка» - 2008, где Надежда играла роль цыганки. Все фотографии – с этой игры

– Ну ладно, слушайте, коль не лень. – Веста оглядела лица попутчиков, таинственно подсвеченные бликами костра. – Про меня-то чего говорить – родилась при таборе, росла при дороге, и умру при кибитке. Вот отца моего многие знали, Багран, каретных дел мастер. Слыхали, может? – вновь обвела взглядом слушателей, они промолчали. – Не был бы цыганом – жили б мы с семьёй в городе, в богатом каменном доме. Да уж цыгана, видать, не переделаешь, да... Так вот, очень его табор уважал – кто из бояр или купцов пожелает себе знатный экипаж – пожалте, вот вам хороший мастер, с ним подмастерьями – все наши мужики, корми и пои их с месяц, материал предоставь, да на оплату денежки приготовь, и не малые. А там уж при богатом дворе женщинам да детям нашим работа всегда найдётся, какая – сами знаете. – Она легко поднялась, зазвенев монистами, подкинула большую ветку в костёр, вновь села, поворошила пламя.

– Так вот, было мне годков этак пятнадцать, когда зазвали нас на подворье боярина одного. Имени не назову, уж не обессудьте, кто постарше – и так догадаться может, да только догадку при себе пусть держит. Ранняя осень была, ещё не холодно, так что жили мы табором прямо за его каменным домом, в своих кибитках. И каждый вечер к нам народ дворовый стекался – поглазеть, песен послушать, да на милого погадать. Ух, и гадали мы тогда – только карты шуршали! А денежки в карманы текли, звенели – весёлые были денёчки, да плохо кончились! – она задумалась, глядя в костёр. Придорожный лес, казалось, придвинулся и тоже ожидал продолжения рассказа. Задумчиво покачивались тяжелые еловые ветки над головой, тихонько пели в траве кузнечики, сочувственно вскрикивала ночная птица.

– Однажды, позднечко уже, пришла к нам служанка боярыни, попросила карты раскинуть. Старшие наши устали

уже, вот меня и позвали. Я и тогда неплохо гадала, а уж сейчас мне равную сыскать трудно, без похвальбы скажу. Ну вот ... вышла, гляжу – девушка молоденькая, а на руках у неё девочка месяцев двух – волосики мягкие, светлые, глазки голубые, сонные, хорошенькая такая.. И вот, верите ли – екнуло в груди что-то, сразу неладное почуяла. Гляжу на девочку – ни слова сказать не могу. Ну, потом очухалась, служанку усадила, ребёнка уложила, та и заснула сразу. Я расклад на малышку сначала бросила, интересно мне показалось. Гляжу – падает ей беда смертная да дорога дальняя, как ни крути, на всех картах падает. И крестовая дама рядом маячит, от беды спасает, собой закрывает. А служанка моё гаданье услышала, да как зальётся слезами! Плачет, аж трясётся вся. Обняла её, стала утешать – и понемногу девушка успокоилась, давай рассказывать – как прорвало её: « – Прежний боярин был добрый, справедливый, и жена у него красавица, а доченька у них народилась – ну просто солнышко. Тут приехал с какой-то войны его брат, да не родной – сводный, погостить. Приняли его, как родного, пир закатали, охоты богатые устраивали, а через две седмицы на такой охоте наш боярин насмерть убили. Как убили – никто не знает, свидетелей тому не было, лицо и грудь у него были сильно изранены. Нам сказали – медведь поломал. А брат, как схоронил его, стал на подворье хозяйничать. Вот тут-то все покойного не раз и не два добрым словом вспомнили. Что ни день – секут кого-нибудь на конюшне, что ни ночь – служанки визжат да плачут. Никакого житья не стало. А княгиня с тех пор так и чахнет от чёрной хвори, три дня как с постели не встаёт. О доченьке будто забыла, совсем не в себе с горя. Дочка-то их вот она», – и служанка поправила волосики малышки, « – да не нужна никому. Сыта ли, ухожена ли – новый хозяин никогда не спросит. Прислуга кормит её, конечно, но на глаза с ней боярину старается не попадать. А вчера он велел принести девочку и стал самолично кормить её

кашей. Малышка сыта была, разревелась, он отшвырнул её мне – еле поймала, и вышел, громко хлопнув дверью. Кашу отдали собаке: не пропадать же добру. Так вот, собака через час издохла... и что теперь делать, умирать, что ли, такому славному ребёнку? Сама-то я давно бежать насмелилась, у меня родные в дальнем селе, я работающая, примут, поди... а с ребёнком – никак не примут, лишний рот ни к чему».

Веста опустила голову, две смолисто-чёрные косы лениво шевельнулись по груди, звонко скользнув по монистам. Она тихо, как бы нехотя продолжила:

– Я выглянула – вокруг тишина, костры догорели, табор спит уже. И посоветоваться не с кем – мать тоже спит, отец с подмастерьями остался в каретном сарае ночевать – последний блеск наводит, завтра расчет, уедем – и ищи цыган в поле. А в соседней кибитке огонёк теплится – горюют. Там недавно молодая цыганка родами померла, а ребёнок, девочка, очень слабенькая была, так вчера тоже за матерью ушла. Остались в той семье старуха да мальчик, отца его ещё раньше лихие люди убили. Я, наказав девушке ждать, тихонько вышла из кибитки.

Как я их уговорила, как мы со служанкой отбеливали мёртвой девочке волосики и кожу на лице и ручках – лучше не спрашивайте, я и сама забыла бы, если б смогла. Чем белили – да есть у отца состав для осветления выделанных кож. Бррр, до сих пор по спине мурашки. Ну, высушили, переделали, и служанка с мёртвой цыганочкой тихонько ушла в боярский дом. – Пожилая крестьянка охнула, прикрыв рот, мелко закрестилась, остальные слушали молча. Веста продолжила:

– По задумке она должна была, как и раньше, прятаться с девочкой от хозяина ровно два дня – пока табор не уедет подальше. А я покормила малышку и принялась, не торопясь, перекрашивать её кудряшки маминой басмой, а по личику прошлась ореховым соком – тоже из отцовых запасов. Цыганочка получилась – загляденье! Только глазки

голубенькие, но тут уж ничего не поделаешь. Назвала Хитаной, это по-нашему «цыганка», чтобы уж точно наша была. Уложила я девочку в свой короб поверх всех вещей, и свечку задула. Наутро не до нас было – табор в дорогу собирался. И ведь какая умница Хитанка – не пискнула, не выдала меня. Молоком я загодя запаслась, покормлю – и спит ребёнок.

Намучилась, наверное. Так мы день проехали, на ночлег встали, и понадобилось что-то моей матушке, начала по коробам шарить. Тут малышка голос и подала. Как закричала мать, как схватила меня за косы – я ей со страху всё и выболтала. Она к отцу, а тот – за ремень! Это я сейчас понимаю, что ремня мне за такое дать мало было. Ничего себе, рассорить табор с боярином, украсть родовитого ребёнка! Да он нас в прах сотрёт и не заметит! А тогда обидно показалось – ведь доброе же дело сделала, живую душу спасла, за что бить? Вырвалась я, Хитанку схватила – и дёру в ближайший лесок! Бежала, пока не свалилась. Посидела, подумала, остыла немного. Придётся вернуться – и одна-то пропадёшь, а тут ещё малышка. Ну, побьют, подумаешь – не убьют же! Оглянулась – лес кругом, костров

наших не видать. Да мне не впервой в лесу ночевать, а рассветёт – огляжусь, вернусь как-нибудь. Так что нашли мы ёлочку погуще, лапничку под ветки настелили – и спать завалились. Утром брела я обратно по своему следу и удивлялась – это ж надо было так напахать! Как будто бешеная лосиха пёрла, ветки ломала. Вот что значит обида – ничего вокруг не видела, не слышала. Покачаю, немного успокою голодную малышку – да и бреду себе дальше, жалею ей, к порке готовлюсь. А как на опушку вышла – так ноги-то и отнялись. Там только лошадей наших не было, забрали они лошадей, даже самую старую кобылу увели. – И она снова уставилась в костёр чёрными, как эта ночь, глазами. Опять стали слышны далёкие и близкие звуки леса. Спутники тоже смотрели в огонь, и по их лицам было не понять – верят ли, сочувствуют, или просто слушают, как страшную сказку. Веста зябко обняла себя за плечи и продолжила совсем тихо:

– Остальные... кто где лежали. И мама, и сестрёнки – все, все. Порезанные. Порубленные. Кто где. Вот. Так мы с Хитаной одни остались на этом свете. Кто наш табор посёк, какие лихие люди – верно не знаю, а догадки строить боюсь. Вот так взялась я растить себе дочку, хоть сама ещё ребёнком, считай, была. Она и не знает ничего, мамой зовёт. Вон какая лапушка, – цыганка ласково провела по золотистым косам спящей девочки. – С тех пор, уважаемые, пять лет дорожки цыганские топчем. Пытались к чужому табору прибиться – да не судьба, видать. Вдвоём теперь кочуем, сами себе табор, – невесело усмехнулась девушка. – Ну, кому погадать? По ночному времени возьму недорого – кто сколько даст.

Она опять обвела блестящими глазами красноватые от пламени, бесстрастные лица, вопросительно останавливая усталый взгляд на каждом, с тихим шорохом развернула веер карт. Крестьянин с женой отвели глаза – денежек

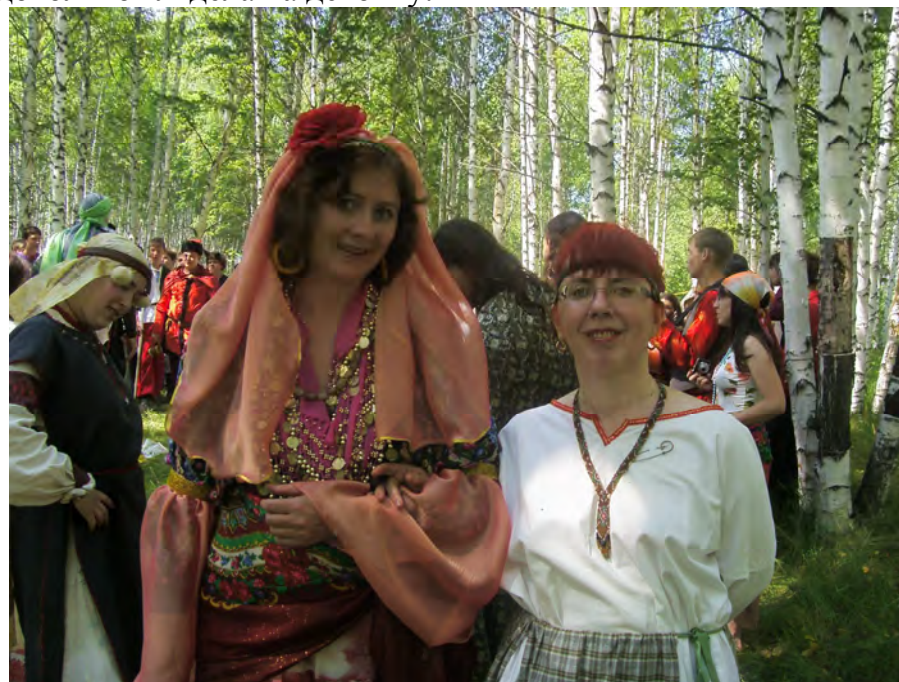
жалко, да и чего гадать – дни идут один за другим, сыты – и слава Богу. Потешила попутчица баечкой перед сном – вот и ладно, и хорошо. Они поднялись и молча полезли на телегу – спать. Их сын, толстый конопатый увалень, загляделся было на пригожую рассказчицу, мучительно силился что-то сказать, продолжить разговор. Но, получив от матери привычную оплеуху, понурился и тоже полез за родителями. Старый солдат, назвавшийся Данилой, задумчиво глядел в огонь, медленно пропускал через пальцы густую седую бороду. Под вопросительным взглядом опустил голову, взялся растирать неуклюжую, видимо, раненую в бою ногу. Все эти рассказы у ночного костра – ври складнее, кто тебе мешает, лишь бы вечерок скоротать. Уйдут цыганки, пропадут за поворотом, за холмом – и забудется, сотрётся история. Но слушал солдат рассказ цыганочки что-то уж очень внимательно. Он бы, может, и рад погадать, судьбу попытать – да денег нет, хлеб жуёт, водой запивает. Вон, глянул из-под густых бровей, и снова глаза опустил. Цыганка хмыкнула, устало тряхнула головой, тяжело плеснули чёрные косы, и колода канула в складки юбки.

– Ну, тогда доброй ночи, уважаемые! – накинув как одеяло свой пёстрый платок, она уютно свернулась рядом с девочкой, согреваясь и грея ей спину.

Утром дорожки попутчиков разошлись – цыганки вскоре соскочили с телеги, а крестьяне и солдат, сонно кивнув на прощанье, свернули направо. Веста с Хитаной потопали к большому городу – там народ побогаче, а к зиме надо обязательно немного заработать – ведь придётся платить за кров, покупать одежду. Ночи становились всё холоднее, и девочка не выспалась – шла, уныло загребая ногами и шмыгая носом. Веста, накинув ей на плечи ещё и свой платок, тихонько рассказывала, в какой большой город они идут, какие там широкие улицы и высокие дома, щедрые и красивые

люди. Хитана брела, сонно кивала – и вдруг метнулась к обочине, в восторге застыла над травяной кочкой.

– Мама, глянь! – раздвинула пушистые веточки, и Веста закусил губу, чтоб не вскрикнуть, не испугать. Там, на мягкой постели из сухой травы, возлежала змея, чёрная, как уголь, болотная гадюка. Лежала, подняв точёную головку, и недовольно глядела на девочку.

– Закрой, закрой её, – торопливо сказала Веста и отвела детские ручки. – Видишь, она спать хочет. Утром ей холодно, она даже ползать не может.

– Ладно, пусть спит! Красивая, правда? – сон из глаз девочки словно выдуло, она радостно улыбалась.

– Может, и красивая, но какая опасная! Укусит же!

– Не меня! Она меня любит!

Может, и правда любит, подумалось Весте. Хитанка нравилась всем – и встречным людям, и злым дворовым собакам, и лошадям, что немало помогало Весте в работе.

Попробуй, прогони со двора такое чудо, которое, к тому же, ласково наглаживает твоего самого злющего пса! Круглое весёлое лицо, две толстенькие золотистые косички, большие голубые глаза с густыми ресницами. Пёстрая кофта с монетками по вороту, широкая юбка – как уж водится у цыган, и тёплый расписной платок поверх юбки – одеяло и подстилка при холодном ночлеге. Веста перевязала ей узел платка и выпрямилась – пора идти дальше.

Вдруг из-за придорожного дерева шагнул и молча встал перед ней парень. Она оглянулась на шум и вздрогнула – Хитану повалил и придавил к земле, зажимая ей рот, лохматый мужик. Сердце бешено забилося, опустились руки. Только бы тать не заметил страха! Она медленно подняла взгляд.

– Стой, цыпа, не дёргайся! – ухмыльнулся ей в лицо разбойник. – А то твоей девчонке ещё хуже придётся! Давай, развязывай котомку!

Веста заставила себя выпрямиться и уставилась ему в глаза. Потом подняла правую руку, провела в затейливом жесте вокруг его головы, стряхнула. Вдруг второй бандит глухо вскрикнул, откатился, зажимая шею, заскулил, завыл – но она спокойно глядела только в карие глаза напротив – и усмехалась.

– Всё, – тихонько сказала она, – всё уже, – и медленно опустила руку.

– Что – всё? – побледнел парень. – Что ты с нами сделала, ведьма?

– Судьбы связала. Сделаешь нам больно – тебе ещё больнее будет. Вон твой друг, кажись, уже попытался, – она подняла и отряхнула онемевшую от испуга девочку, присела к лохматому. У того посинела и страшно раздувалась шея, закатились глаза. Парень стоял, ошеломлённо шлёпая губами, переводил взгляд с цыганки на своего товарища.

– Мам, это его моя змея цапнула! А пусть не лезет! – задорно тряхнула косичками Хитана.

– Молчи, молчи, – тихо прошептала ей на ухо Веста, и уже громко приказала:

– Отойди подальше! – и резко отвернулась. «Поверил, поверил, дуралей!» – пело в её душе, и она, боясь выдать себя, опустила взгляд, взяла в руки лохматую голову, вгляделась в мутнеющие глаза. Тут уже не помочь – слишком близок яд к голове. Она провела рукой по его лицу, и укушенный спокойно закрыл глаза. Где-то через час его сон плавно перейдёт в смерть. Она попятилась, медленно подняла котомку, взяла Хитану за руку, и они тихонько пошли дальше, подавляя желание задать стрекача. На повороте Веста не удержалась, глянула искоса назад. Молодой разбойник рухнул на колени перед своим неудачливым приятелем и стоял, покачиваясь. Конечно, в их бродячей жизни бывало всякое – ведь одинокие девочка и девушка кажутся такими беззащитными. Бывало, пытались... но каждый раз как-то везло. Веста умела заговорить человека, как заговаривают назревающий гнойник, и беда обходила их стороной. Случалось им и глаза кому-нибудь отвести. Такого, чтобы молча и сразу за горло – ещё не было. «Всё когда-то в первый раз бывает», – мрачно думала она, а перед глазами стояла распухшая шея и мутнеющие глаза укушенного. Пусть и сам виноват, но ведь из-за них погиб, молодой дурак, упокой, Господи, его душу! Переживания пришлось отложить – впереди послышался дружный хохот. Веста осторожно подкралась, заглянула из-за куста, и с облегчением распрямилась. Там отдыхали городские стражники, человек десять. Сидели под огромным дубом, перекусывали и ржали в голос над рассказом товарища. Она медленно подошла своей особой походкой, блестя улыбкой и с каждым шагом нежно звеня монистами. Рассказчик смолк на полуслове, стражники дружно уставились на неё. А Хитана уже развязывала свой

платок – постелить под карты. И завертелось-закрутилось большое «египетское» гадание, глаза в глаза, до замирания сердца. Нет, обмана здесь не было – просто она вглядывалась, вдумывалась в этих парней, рассказывала каждому – о нём самом, получая раз за разом восхищённый, удивлённый вздох, восторг и ожидание чуда в глазах напротив. Ещё, ещё – говорили эти глаза. И она, вдруг спохватившись, постаралась приуменьшить, сгладить этот восторг доброй шуткой, неудачной фразой. Слишком много правды говорить опасно, даже сильные мужчины могут испугаться, а где страх – там и ненависть. Пусть лучше примут её за безобидную врушку. Что-то она сегодня увлеклась. Да и не мудрено – такие хорошие люди попались. Не то, что эти, с дороги...

Она заметила его, когда гаданье подошло к концу, а Хитанка собирала с платка монетки, радостно вскрикивая при виде серебрушечки. Он стоял, боязливо отворачиваясь от стражников. Она за работой почти забыла про неудачливого разбойника, а тут гляди-ка, стоит. Свернув карты и ласково распрощавшись со стражниками, подошла.

– Чего тебе? – и хмурый взгляд исподлобья. – Чего за нами потащился?

– Дак это... Мих-то умер...

– А мне его пожалеть? – голос зазвенел, сорвался. – За то, что мою девочку пришибить хотел?

– Ну, не пришибить, – криво усмехнулся он, – так, побаловали бы маненько...

Озноб пробежался по спине, ярость ринулась в голову. Она знала, что значит «побаловать».

– Только попробуй ещё раз! – зашипела рассерженной кошкой. – Ноги-руки отсушу! И ещё чего-нибудь! – он отпрыгнул, вдруг испугавшись. Глаза сверкают, косы болотными гадюками извиваются по груди, руки творят что-то непонятное.

– Ну-ну, чего ты, я же это... того... я к вам пришёл... – забормотал он. – Пошутил, шучу я, стой! – голос разбойника окреп, но глаза жалобно ловили её взгляд. – Сама рассуди – ну и куда мне теперь? Баловать на дорогах, говоришь, нельзя, ничё делать не умею... Миха нету теперь... Он хоть и дурень был, а сильный – двоих голыми руками забарывал. А ещё, слушай, чё спрошу-то... – он перевёл дыхание, мучительно сглотнул, но продолжил:

– А если тебя не я, а другой кто-нить обидит? Ты же мою судьбу со своей перевязала... завязала... то мне тогда тоже плохо будет?

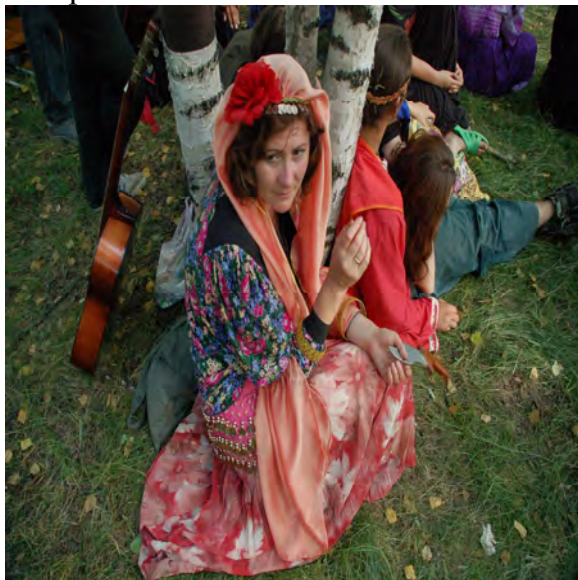
– Ещё как плохо-то! – буркнула она, остывая. И только тут мысленно схватилась за голову – что же она наделала! Теперь этот полудурок и вовсе не отстанет! Просто испугается потерять её из виду!

Под звон колоколов Веста с Хитаной вступали в город. Веста, скромно потупившись, отдала пожилому стражнику у ворот положенную плату, весело подмигнула его молодому напарнику – и вот город, большой, богатый – вокруг них, возносит невиданно высокие светлые стены, глядит широкими блестящими окнами, гудит множеством голосов вокруг. И сияют-переливаются на солнце золотые купола большого белого храма, приветливо распахнуты ворота – входи, путник! Веста перекрестилась, проследила, чтобы Хитана тоже сотворила крестное знамение. Потом, когда устроятся и обживутся, – обязательно придут, скажут Богу «спасибо». А сейчас Веста с Хитаной просто любовались желтеющей листвой, золотыми куполами и праздничным блеском солнца. Центральная улица неторопливо разворачивалась перед ними, будто тихо улыбаясь их наивной радости, удивляя снова и снова. И они глядели вокруг во все глаза, не замечая, что им вслед оглядываются прохожие, удивлённо ловят чудный звон монист, плеск волос и ярких юбок на крепком ветру. Они

плыли, звеня, по широкой солнечной улице, словно два оживших сказочных цветка, танцующих под ласковыми струями ветра.

– Мам, давай всегда здесь жить! – восторг стоял в глазах Хитаны, и Веста тихонько ответила:

– Хорошо бы...

Они шли, широко распахнув глаза, вертели головами и только «ух ты», «глянь-ка!» – снова дивились на наряды людей, экипажи, каменные лесенки и резные балконы да перила. Даже под босыми ногами не грязная дорога, а

кругленькие камушки брусчатки.

Вдруг – ах! –

Хитана шарахнулась из-под копыт внезапно возникшей за спиной лошади. С грохотом пролетело мимо, из экипажа обожгло злобным взглядом, и восторг сразу скукожился, исчез... Веста ругнулась вслед, резко выставив руку.

– У, ведьмы! – послышалось из-за спины, она круто развернулась, забежала по лицам глазами. Люди спешили по своим делам, никто не смотрел на двух растерянных, испуганных девчонок. Как будто это сам город, такой радостный вначале, вдруг повернул к ним другое, равнодушное лицо.

Они договорились о жилье – комнатке в подвале большого каменного дома. Там были кровать, стол, стулья и даже небольшое зеркало. Веста расставила на столе чашки-плошки, посыпала кровать сухим порошком ромашки от вшей и клопов – и села, довольно оглядываясь. Хитанка уже достала свою куклу, заботливо сшитую Вестой года два назад, и, устраивая её в кровати на ночлег, что-то напевала. Вдруг дверь тихонько приоткрылась, и бочком-бочком просунулся тот самый разбойник. Веста вскочила, закрыв Хитану.

– Стой-стой, погоди! – он замахал на неё руками, как мельница – крыльями.

– Ну, стою. Чего надо? – взгляд чёрных глаз исподлобья, в упор. Разбойник опустил глаза.

– Я тут... это... поесть вам принёс. Ну, не гони, послушай меня, а? – и развязл котомку.

Густой дух жареного мяса поплыл по комнатке, сзади сглотнула Хитана. Парень протянул руку, осторожно положил свёрток на стол, отёрнул. И вдруг бухнулся на колени, ухватился за пёструю юбку, глухо сказал в подол:

– Отпусти ты меня, Христом-Богом прошу, отпусти! – поднял умоляющие глаза, захлопал ресницами. Веста стояла, оторопев, и тупо глядела, как голодная Хитанка подбирается к свёртку, тихонько отгибает полотно, отщипывает кусочек... и что теперь с дураком делать?

– Так и быть, – помолчав, выдохнула она, – отпущу. Только разбойничать больше не смей! А то почувешь сразу... как твой Мих! – и она стала водить ладонями над склонённой покорно головой, иногда невольно задевая тугие русые кудри. Парень только ёжился.

– Всё, иди, свободен!

Обрадованный разбойник вскочил и в два шага взлетел по лесенке. Веста задумчиво глядела ему вслед, с лёгким сожалением думая, что вот, похоже, судьбу человека переменяла, а как зовут – не спросила.

Ступая легко и неторопливо, под нежный шелест монист и звон ножных браслетов, расточая вокруг улыбки, Веста не шла, а прямо-таки плыла по улице. При каждом шаге раздувалась и вилась вокруг ног пёстрая юбка, колыхались кисти платка, блестящие пряди волос ласкались, скользили по плечам.

– Уважаемая, а не погадать ли вам? О суженом, ряженом, о судьбе да денежном интересе? Ай, не робей, парень, подойди, не кусаюсь. Всю правду скажу, красивый, и ради шутки не совру! Ах, боярин, остерегаться тебе надо! Погадаю – скажу, кого. А так – и сама не ведаю, и тебе не поведаю!

Это они так работали. Веста на виду, ярко и шумно, сияя глазами и улыбкой, звеня при каждом повороте и жесте. Хитана сзади молчаливой тенью, тайком принимая и пряча в мешочек заработок, зорко поглядывая по сторонам. Потом, на другой улице, наставляла очередь Хитаны – скинув юбочку, она ходила на руках, смешно дрыгая худыми ножками в полосатых штанишках, крутила сальто, показывала фокусы с картами. А Веста, прикрыв волосы и монисто платком, тихонько собирала монетки и осторожно кидала взгляды поверх зрительских голов. Городская стража обычно гоняла цыганок с людных и хлебных мест, а в тихих переулках лихие люди могли отобрать заработок, приходилось глядеть в оба. Поэтому денежки собрали – и скорей на другую улицу, опять всё сначала. Нагадали, нашумели, назвенели – и в соседний переулочек, снова и снова. А город-то незнакомый! И переулочек вдруг тупиком оказался, да сошёл с резного крыльца толстый боярин в красном кафтане и соболях, загородил им дорогу.

– Не погадаешь ли мне, цыганка? – скривился презрительно, протянул руку, упрятанную в богато расшитый золотом длинный рукав.

– С радостью, боярин! Желаете на картах? – и колода змеей промелькнула из правой руки в левую, потом обратно.

– По руке гадай! – ухмыляется и опять тычет в лицо обёрнутую ладонь. Веста взяла за кисть, спокойно взгляделась в глаза, помолчала. От пяток к макушке привычно поднялась тёплая волна: она узнавала... знала... заговорила тихо, задумчиво...

– Плохо видно, боярин, не сердись на бедную цыганку. Всю твою жизнь, яхонтовый, вижу в красном да золотом, только красного... ой, красного больше, боярин! Гляди, уже до шеи дошло, болезный, не потонуть бы тебе! – и похолодела. Мало ли, что ей там примерещилось, а думать тоже иногда не мешало бы! Сзади охнула, закрыла лицо Хитана – даже малышка поняла и испугалась. А боярин, вырвав рукав, замахнулся, лицо багровело, наливалось дурной кровью.

– Ты, девка! Чего! Чего плетёшь! Да я! Да я тебя! Никишка, возьми её! Обоих возьми! К страже! Плетей! За оскорбление! – он уже визжал, показывая на них пальцем, и Веста, схватив Хитану за руку, кинулась бежать. Но теперь единственный проход перекрывал, тянул к ним руки звероватого вида огромный мужик. Она обмерла, испугавшись – и он ловко сцапал их обоих, поволок, что-то бормоча. Хитана заскулила «дядечка, дядечка!» - он только встряхнул её, как куклу, и девочка примолкла.

– О, кто пришёл! – вскочил знакомый разбойник. – Только меня сцапали – и сразу вы попались! А говорила – всё, развязала судьбы! Что же ты, цыганка, так оплошала! Ну и ладно, я даже рад, заходите в дом, не стойте у порога, гости дорогие! – и поклонился в пояс, насмешливо блеснув глазами.

Их вначале безжалостно волокли за шиворот через весь город, потом втолкнули в тесную коморку с маленькими окнами. И ко всем бедам придётся этого разбойника терпеть!

Вот так поворот! Похоже, неловкая ложь оборачивается правдой, может быть, и вправду привязала?

Каморка арестантов располагалась в «стражном доме» – казармах городской стражи. Порядок в городе – это всегда было заботой стражников, и горожане охотно поручали им неприятную работу – проучить ленивого слугу, вороватую служанку. Пороли стражники крепко, но без злобы, назначая количество ударов от проступка. Вот сюда-то и приволок их Никишка, пробурчал «они мово боярина обидели» и закосолапил обратно.

Испуганная Хитанка, всхлипывая, уткнулась Весте в подол, спряталась, как зверёк, зарылась в складках. Веста присела, обняла девочку, потом села на солому, усадив-уложив её на колени, закутала платком. Наконец шмыганья и всхлипы прекратились, голубой глаз осторожно выглянул – и Хитана, моргая, уставилась на разбойника.

– Ты кто? А, тать дорожный... – он залихватски подмигнул девочке, встал, гордо расправил плечи и пропищал тоненьким голосом:

– Прошу прощения, но ты ошибаешься, прекрасная княжна! Люди зовут меня Мухой, чтоб ты знала, благородная госпожа! – и усердно закланялся, подметая пол несуществующей шляпой.

– Мухой? А зачем тебя так прозвали? Ты что ли летаешь? – Хитана удивлённо распахнула глаза, неуверенно улыбнулась. Все страхи забыты – этот Муха такой забавный!

– Я из древнего рода Мушкиных! Моим предком был царь всех мух, больших и маленьких! – и уже своим, нормальным голосом, Весте: – Да и по стенкам, как муха, лазаю. Вот, гляди – оп! – И подтянулся на руках к высокому окну, выглянул, ловко перевернулся, оставил на закопчённом потолке пару отпечатков башмаков и спрыгнул на пол.

– А я вот как! – и Хитана прошлась на руках, но запуталась рукой в юбке и рухнула на солому. Поднялась, искоса поглядывая, и расцвела улыбкой, услышав удивлённое:

– Ух ты! Здорово! А вот так? – он присел на одной ноге, выставив вторую вперёд. Хитана повторила, потом показала стойку на одной руке. Веста молча глядела, как они дурачатся, как на лице разбойника цветёт лихая мальчишечья улыбка, как он смеётся, и Хитанка залиvisto вторит его смеху. Муха, значит...

Вдруг, заскрипев, открылась дверь – на пороге стоял седой стражник, который дежурил сегодня у ворот. Он долго хмурился, шурясь в полумрак со света, шевелил густыми бровями, наконец прогудел басом:

– Эй, цыганка! Мои ребята говорят, ты гадаешь здорово! Погадаешь мне?

– Как не погадать такому храброму воину! Ночь длинная, с радостью! – и развернула карты веером по раскинутой широкой юбке, вгляделась в серые глаза подсевшего к ней ветерана. Снова – волна по спине, снизу вверх – что ж, сегодня она в ударе.

– Поступил давно, молодым ещё, на войну с князем ходил, бился храбро, заметили, сотником сделали. Погоди, по другому разложу. – Она взяла его за руку, стражник даже не заметил, уставился в карты. – И сотником ты с тех пор служишь честно, людей своих не обижаешь. Ох, а самого тебя обидели недавно, воин, да сильно обидели! А ты не горюй, обидчику твоему скоро смерть лютая, ой, вижу, лютая! Не держи в себе зла, золотой, не в твоей он власти, его Господь покарает.

– Когда? – глаза сузились, рука сжалась в кулак. Вот здесь больно, надо потише. А впрочем...

– Точно не скажу, но скоро, мой золотой, скоро. Ах, гляди-ка, вот и радость нежданная, служивый! Твоя жена сына понесла, позднего, последнего. Она ещё сомневается, но я

точно знаю – тяжела она, и сыном тяжела. А денег – денег больших не вижу, прости уж, воин. Кто честно служит – богатым не будет.

– Да Бог с ними, с деньгами! – сотник расцвёл улыбкой. – Ох, спасибо тебе не добром слове, цыганка! Мы же этого сына с женой пятнадцать лет ждём, старший-то совсем большой, да дочка вот как ты, такая. А маленького Господь всё не даёт! – он пытался хмуриться и всё равно улыбался, и она снова говорила ему о нерождённом сыне, о его трудной, но славной судьбе. И на старшего, служившего в отцовской сотне, погадала, и на дочку, недавно вышедшую замуж. Ни разу ей не пришлось обдумывать, сглаживать – говорила как видела. Потому что нечего там было скрывать – обычные люди, честные, простые судьбы. Гадание подкатилось к концу, сотник поднялся, выдал ей серебрушечку и снова привычно нахмурил лицо. Жизнь научила его не доверять словам, даже самым желанным.

– За добрую весть – спасибо. Хорошо бы – сбылась она.

– Не сомневайся, уважаемый, я точно видела!

– Ладно – ладно, я тоже погляжу, Бог даст. А что вы с дочкой натворили?

– Мы важного боярина обидели! – храбро выглянула из-за спины Хитана.

– У, гляди-ка, грозные! Как исхитрились?

– Правда-правда! – хихикнула Хитана. – Мама ему нагадала знатно, век не забудет! – Веста опрокинула девочку на солому, сказала устало:

– Гадала я боярину, да вот уж дурной мой язык – правду ненароком взяла да сказала! Оне на нас обидеться изволили!

– Бывает. Правда – дело такое... а какому, говоришь, боярину?

– Прости, уважаемый, мы только вчера пришли, не знаю я его. Богат и телом, и одежей, дом у него большой, каменный.

– Да на Ладовича наскочили, я видел случайно, его холоп их приволок.

– На Ладовича? – стражник резко развернулся к Мухе. – Как видел, тебя же раньше их привели?

– Из окошка увидал! – стражник задрал голову, удивлённо перевёл взгляд с высокого оконного карниза на отпечатки подошв, опять на Муху, на его сапоги.

– Ну-ну! Ловок! За покражу приведён?

– Да какая там покража? Хотел доброе дело сделать, заморскому купцу дорогу показать, а он схватил меня и ну орать! Все они, нехристи, рады честного человека обидеть!

– Ага, всё так и было, и честен ты, аки слеза! Только схватил он не тебя, а свою сумку, да в ней рука твоя оказалась, вот ведь оказия! И стража на тот момент рядом была – увидели мои ребята, скрутили. Так что не отвертись теперь, готовься! На первый раз кнута всыпем хорошенько, а в другой раз попадёшь – не обессудь, за покражи у нас головы рубят. Великий князь воров не любит! А Ладович... Это да... Гхм... – он поскрёб макушку, помолчал и вышел, шумно задвинув засов. Скоро в каморке совсем стемнело, только окошко светилось бледно-розовым. Муха лежал, задумчиво ковыряя стенку.

– Муха, слышь? А ты чего, Ладовича этого знаешь? – Веста завопилась, улеглась поудобнее, глаза влажно поблёскивали в темноте. Хитана давно свернулась ей под бочок и засопела – слишком много на неё свалилось сегодня. Весте не спалось. Муха опасливо отодвинулся, помолчал, сказал неохотно:

– Да кто ж его, упыря, не знает! Только и умеет, что людям обиды чинить. Это он сотника обидел, верно ты угадала. Приказал умыкнуть его дочку перед самой свадьбой – ох, и красивая, говорят, девка! Только отец дознался, с полсотни своей под крыльцо терема привёл, выручил. Потом ходил сотник у князя правды искать, да тот только посмеялся, мол,

успел выручить, чего тебе ещё? С тех пор он даже имени Ладовича слышать не может. А вы как попались?

Веста рассказала. Муха опять помолчал, потом сказал задумчиво:

– Да, по самому краю прошлись! Ты же ему голимой правдой в глаз ткнула! Кровушку пролить – это он всегда с радостью... Загреби он вас в свой терем – и не видать больше белого света! Добрый был, решил только кнутом попотчевать! Теперь ходите да оглядывайтесь, а лучше вам и совсем уйти из города. Второй раз ему попадёте – тут ваша удача и кончится!

– Ладно, не пугай, мы пуганые! Спи давай! – И она, сердито отвернувшись, сделала вид, что заснула.

Несмотря на скудную постель, поспали они неплохо. Солнце уже вовсе било в высокое окошко, когда загрохотал засов, и молоденький стражник позвал:

– Эй, цыганки, выходите!

Веста, разом вскочив, затормошила сонную Хитану. Та только жмурилась, отворачивалась, наконец встала и побрела к двери, покачиваясь со сна – такая маленькая, хрупкая... неужели и её тоже кнутом? Веста робко глянула в глаза стражнику, и от сердца отлегло – он улыбался. Они прошли длинным коридором, у выхода увидели сотника.

– Ну что, галки-гадалки, выспались? – прогудел он. – Ну и ступайте себе с богом, больше бояр городских не обижайте! – седые усы дрогнули, не пуская улыбку.

– Ой, спасибочки, золотой-яхонтовый! Дай тебе Господь здоровья, а детям твоим втрое всего! – затараторила обрадованная Веста, а Хитана взяла большую жесткую ладонь и молча уткнулась в неё носиком.

– Ладно, ладно... – заворчал сотник. – Будут мне тут всякие...

Он нахмурился, осторожно освободил руку и, резко развернувшись, решительно зашагал вглубь двора. Радостные, они выбежали из ворот навстречу уже почти полуденному солнышку.

После обеда вышли работать – грех пропустить такую погоду. С деньгами народ расставался охотно, и скоро в потайном мешочке потяжелело и зазвякало. Они, усталые и довольные, возвращались в свою комнатку. Хитанка гордо несла большого рыжего петуха, пожалованного им под конец дня богатой вдовушкой. Веста нагадала вдове суженого, который «таится, глаз поднять боится, скоро-скоро, вот те крест, должен объявиться». При этих словах та всё чаще поглядывала на соседский забор. А к концу гадания в щелочку и впрямь проглянул чей-то робкий глаз, и вдова быстренько выпроводила гадалок, подарив живого красавца-петуха. Всю дорогу Веста задумчиво поглядывала на них, а Хитана говорила Пете, ласково оглаживая золотые перья:

– Вот увидишь, мама у нас хорошая! Она таких красивых никогда не ест! Гляди, меня же не съела! А мы его тоже гадать научим, правда, мам? Будет нам билетики подавать, помнишь, какой у того дедушки был гадательный ворон? А наш-то краше ворона, смотри, какой!

Веста подумала-подумала, и не стала отдавать Петю на кухню – очень уж гордо косил он глазом и загребал ногой со шпорой. Она принесла с кухни плошку наваристой мясной каши – ведь заработали они сегодня неплохо. Порция каши досталась и петуху. Когда миски опустели, Веста понесла их во двор, помыть. Идя обратно, услышала рёв Хитаны, увидела капли крови на пороге комнатки. Вздрогнув, она решительно распахнула дверь.

У порога, спиной к ней, стоял Муха. Рубаха пропиталась кровью и прилипла. А Хитана ревела от жалости, держа его за руку.

– Это ещё что такое? – Веста перевела дух, нахмурилась уже притворно. Обошлось, все живы. Но, кажется, этот нахал после порки решил, что они уже родственники.

– Не гони, ну прошу тебя, ради Бога прошу! Куда я такой? И голову приклонить негде! – обернулся он на дверной скрип. И ресницами – хлоп-хлоп, кабы хвост – завиялял бы.

– А надо не в сумку к купцу лезть, брильянтовый! Подмастерьем бы нанялся – вот и сыт, и не бит!

– Ну не нанялся, видишь ли... – и широкие плечи уныло опустились. На рубахе расплылось свежее пятно.

– Ладно, давай спину гляну, – они с Хитаной осторожно стянули испачканную рубашку, Хитанка убежала простирнуть её. Веста оглядела десяток вздувшихся, местами кровотокающих рубцов.

– Могло и похуже случиться! За воровство в иных местах сразу руку рубят! – ворчала она, унимая кровь. Потом смочила спину отваром трав, подсушила и наложила мазь. В заплечной котомке Мухи оказался отрез цветного сатина –

она безжалостно надрала из него бинтов, злорадно решив, что тоже ворованный, не жалко. Муха сидел, иногда шипя от

боли, послушно поднимал руки, помогая бинтовать. Потом, морщась и улыбаясь одновременно, похвалил:

– Ловко у тебя выходит, ласково!

– Не подлизывайся... тут тебе спать негде, у нас и так одна кровать на двоих!

– А это ничего, я сейчас... – и он вышел, прихрамывая. Через какое-то время приволок большой мешок, набитый сеном, и, скромно положив у стены, улёгся. Длинные ноги протянулись через узкую комнату.

– Подберись, Муха! Лапки прижми-ка! – сурово потребовала Хитана. – Гляди, наступлю!

– А ты прыгай! – он приподнял худую ногу.

– Ой, здорово! – она, подобрав юбку, заскакала туда-обратно. – Mam, и ты прыгай! А то на кровать не пущу! Кто не прыгнет, тот сегодня спать не будет, не будет!

– Развевалась, глядите-ка! Укладывайся спать, стрекоза, сейчас же! Я приду – чтобы все спали! – пристрожила Веста и вышла во двор. Она тихо постояла под звёздным небом, дыша свежим ветром, несущим из-за городской стены запах сжатого поля, сохнувшей соломы. Ну почему этот парень путается у них в ногах? Неужели и правда присушила ненароком? Нужен он им... вор, бандит – а кто ещё? Что доброго она знает о нём? Руки – лопаты, ноги быстрые, мордаха смазливая да глаза детские почти – вот и все знания.

– Свалился ты, да на мою головушку! И прогнать жалко! Ладно, завтра поглядим, может, сам исчезнешь, надоеда! – она досадливо повела плечом – звякнули мониста – и, озябнув, ушла в дом.

Чёртов петух проснулся до света и сразу известил об этом всех в комнате, а может, и во всём доме. Тут же в него полетели: сапог Мухи, гребень Весты да любимая кукла Хитаны. И несколько столь увесистых слов вслед предметам, что он вжал голову в плечи и сделал вид, что сладко спит.

Хитанка, когда всё стихло, сразу уронила головку и задремала. А Веста, пристрожив Муху, чтоб отвернулся, стала одеваться. День начался, и не гоже ей, взрослой, ложиться снова. Мухе пока ещё можно поспать, чего с него, поротого, возмёмшь, а ей надо семью кормить. Зябко ступая по остывшему за ночь полу, осторожно заглянула в кухню: там сонные стряпухи мыли и чистили овощи.

– Славного утречка, уважаемые! Мне не спится – не помочь ли добрым людям? За беседой и работа лучше спорится!

Ей сразу вручили нож – работы было невпроворот – и она подседа в кружок. Между делом по шкурке от репки нагадала младшей стряпухе ласкового жениха, старшей – прибавку денежек. За это ей выделили миску густого ягодного киселя и хорошую краюшку хлеба. Держа завтрак, Веста осторожно вошла в свою комнату, и её охватила тёплая тишина, слаженное сонное сопение. Будить было рано, и Веста зажгла свечку, присев к столу, приклонила голову на тонкую руку, разложила карты, вгляделась. На себя она гадала куда хуже, чем на других, но сейчас карты просто вопили: опасность, резкий поворот судьбы, выбор! Она села, задумалась. Вдвоём с девочкой их легко обидеть, надо бы прибиться куда-то. Но опять в табор... недавно они пытались стать своими в большом таборе, полгода ходили, гадали в шумной кампании цыганок. Приносили немного, но вместе было весело и безопасно, Веста совсем уж решила остаться. А потом вайда – старший в таборе – оказал честь, приказал Весте выйти замуж за своего сына. Сынуля пошёл не в отца – туповатый, ленивый и злобный, он до смерти забил прежнюю жену, и при каждой встрече уверенно улыбался Весте гнилыми зубами. Они сбежали, день тряслись со страху в стоге сена, всю ночь прошагали без оглядки, а цыгане их, скорее всего, даже искать не стали. Нет уж, пока можно, решила Веста – они будут сами по себе. Вон Муха прибился, надо на него раскинуть, может

быть – к добру? Но карты только бормотали невнятно, как засыпающий человек. Веста встала, потянулась. Окошко осторожно трогал холодный рассвет, скоро на работу. Давя в душе тревогу, она с треском сложила колоду, потом тихонько разбудила Хитану. Девочка щурилась на свечку, тёрла глазки, но увидев целую миску сладкого киселя, живо придвинулась и заработала ложкой. Муха спал, хмурясь и вздрагивая во сне всем длинным телом. Они оставили ему покушать и вышли в просыпающийся город.

К вечеру, вернувшись домой, Веста увидела такую картину – Муха, ловко орудуя топором, ладит в их комнате узкую лежанку у стены.

– Это что ещё? – возмутилась она. – Ты совсем у нас жить собрался? А кто тебя кормить должен, оглоед?

– Во, ты уже на меня, как жена, ругаешься! А знакомы два дня! – он обернулся с улыбкой. – Ты глянь-ка лучше на стол!

– Ух ты! Муха, откуда? – Хитанка восторженно взвизгнула и вцепилась с разбегу зубами в жаренную баранью ногу, возлежащую на блюде с кашей посреди стола. Веста подбоченилась:

– Опять украл? Своей головы не жалко, так хоть наши пожалей, дурень!

– Да что такое, Хитана, твоя мама опять ругается! Весточка, золотце, глянь лучше сюда, теперь ты будешь утром спать долго и сладко! – и он отодвинулся, открыв пространство под лавкой, забранное аккуратной деревянной решёткой. Из-за решётки грустно поглядывал Петя.

– Вот, видишь, в темноте петухи молчат. А на его клетке и я как-нибудь посплю, всё теплее, чем на полу. Это я сегодня хозяину дома кучу дров нарубил, он мне мясца да кашки пожаловал. И досок займы дал, сказал, уедем – обратно мою лавку разберёт. А мож, и не станет рушить – его дело!

– Как дрова рубил? А спина? – гнев пропал, глаза сочувственно распахнулись.

– Да всё уже зажило почти, только чешется.

– Садись, погляжу! Ага, зажило, рассказывай! Вот, опять сочится! – размотала, снова смазала, замотала. Парень и в этот раз не пикнул, только перекачивал бугры мышц под загорелой кожей. А Хитана тем временем выпустила рыжего узника и уже докармливала ему свою краюшку хлеба. Да не просто кормила – из угла только и слышалось – «подай!», «ещё подай!». Петя при этом слове быстро клевал очередную крошку.

– Ох, глупая! – засмеялся Муха. – Да этот обжора тебе так «подавать» до ночи будет!

– Не, я знаю, меня тот дедушка с вороном научил. А потом бумажку гадальную кидаешь, он по привычке – хват! А ты у него из клюва её берёшь и крошку взамен, в награду как бы!

– Тогда хватит пока, а то объестся сухого хлеба и сомлеет. Лучше дай-ка ему попить. Да и нам за кваском на кухню сходи, на вот полушечку! А то мы тоже умрём с одного хлеба да мяса, ежели без кваса! – Хитана хихикнула и унеслась, а довольный Муха откинулся к стенке, охнул и сел прямо.

– Да ты не думай, Веста, я вам обузой не буду! – и серьёзно уставился в глаза, подлизав этак. – Помаленьку подработаю, спина заживёт – и разойдёмся. Мы с отцом, пока он не помер от лихоманки, в плотницкой артели немало походили, я кое-что умею, правда! Мож, плотником в такую же артель наймусь, мож, один по дворам ходить буду, где чего топором поправить.

– Ну опять кругом дурак! Как бы хорошие люди лицо тебе не поправили! Тебя в этом городе прилюдно пороли, как вора. Кто же такого на двор пустит? – она собирала со стола, не глядя на него, но в голосе внезапно прозвучали забота и горечь.

– А то мало таких как я, поротых, в этом городе видали! Не боись, нашёл же сегодня работёнку? И ещё найду! Я удачливый!

Ох, и зря они с Хитаной на другой день дома не остались! Всё против них было – и небо заволочило тучами, и ветер задувал, гоняя мусор, и даже петух как-то удручённо вслед глядел. Нет, не вняли, глупые. Прохожие хмурились, обходили цыганок, как чумных, спешили укрыться в домах от холодного ветра. И как ни зазывала, как ни улыбалась Веста – проходили мимо, иные злобно огрызались. В поисках заработка они отошли далеко от дома, и только начала Хитанка своё представление – ударил ливень, да уже холодный, осенний! Разогнал редких зевак, вымочил артисток до нитки, выстудил до зубовного стука. Чтобы согреться – припустили бегом, разбрызгивая лужи, но скоро устали, запыхались и вскоре уже медленно брели вдоль улицы под морозящим дождём. Было так холодно! Нагнавший экипаж окатил Весту грязной водой, она гневно развернулась:

– Чтоб ты треснул поперёк! Чтоб тебя... - и слова застряли в горле. Из окошечка на неё глянула заплывшая морда Ладовича. Он тоже заметил и закричал что-то кучеру. Экипаж пролетел мимо. Но когда они почти дотащились до своих ворот, их прихватили два молодца, и, накинув на головы по мешку, споро затолкали в крытый экипаж. Рванули с места на галопе, не успела Веста чихнуть – их уже затаскивали на высокое крыльцо особняка. Протащили, швырнули куда-то в темноту, лязгнула задвижка, стихли шаги. Веста стянула мешок, огляделась. Ну конечно, каменные стены, окошко наверху, решёткой забрано. Полки деревянные вдоль стенки, на них горшочки и корчаги, тряпицами перевязанные, у стенки несколько бочек. Даже присесть некуда, хоть бы соломки постелили! Она сдёрнула мешок с поскуливающей от страха Хитаны, прижала её, мокрую, к себе.

– Всё, не плачь, не плачь! Мы же с тобой колдуньи, мы их всех победим, разве ты забыла?

радостные. Отворились двери, по лестнице затопали тяжёлые шаги. Вдруг наверху знакомо взвизгнула дверь, и кто-то изумлённо вскрикнул:

– Данила?

Казалось, напряжённая тишина звенит, длится, длится... потом свистящий, полузадушенный голос Лядовича:

– Пощади, брат!

– Брат? – взвился навстречу ему сильный мужской голос, наливаясь яростью. – Брат? Так это ты по-братски меня на охоте топором угостил? А слугу зарубил, передел, лицо изранил да за меня выдал?

– Я не убил тебя, мы же... мы же... братья названные...

– Не убил, так подыхать в лесу оставил! Думал, съели меня дикие звери, жену мою с дочкой уморил, всё мной нажитое продал и подался подальше? Три года я раны страшные залечивал, год во все концы своих людей слал, через год сам искать пошёл, под простого человека рядился, все дороги исходил. Что теперь скажешь, братец? Сладко на моих перинах спать?

– Про-прости, п-про-сти меня! – сипел и надрывался голос сверху. Вдруг там что-то захрипело, упало и тяжело покатилося по лесенке.

– Эй, Семён! Не придурайся, не будет тебе прощенья! Эй, ты чего?

– Боярин, да он того, кажись... кончается... вон, морда вся чёрная. За попом сбегать, что ль, христианская всё же душа?

И тяжёлый вздох:

– Беги... Хорошо, самому мараться не пришлось, Господь отвёл. Тащите его куда-нибудь на лавку, с глаз моих долой! Эй, парень!

– Так точно, хозяин!

– Пошли, покажешь, где тут у вас что. Да готовьте мне комнату!

И снова всё затихло в доме. Веста сидела, боясь дышать. Получил, потный гад, получил по заслугам! В этот дом вернулся старый хозяин, наверное, неплохой человек – вон как радостно суетятся слуги. И – о, Боже! Как сильно напоминает эта история тот, давний рассказ служанки... а если это и впрямь...

– Веста! Эй! – послышалось из-за двери.

– Муха! Мы здесь! – радостно вскрикнула она. Дверь отворилась, и Муха шагнул навстречу, быстро оглядел.

– Бежим! В доме переполох какой-то, вот я к вам и пролез...

Он взял на руки спящую Хитану, и они осторожно вышли в длинный коридор. Голоса доносились откуда-то из глубины дома, и сердце Весты то замирало, то колотилось об рёбра. Муха бесшумно и быстро шагал к выходу.

– Брось меня сейчас же! – вдруг раздался возмущённый голосок, Веста так и подпрыгнула, а Муха поставил Хитану на ноги.

– Ой, царь всех мух! – обрадовалась девочка, и они вдвоём зашипели на неё: – Тссс, тише! Пошли отсюда скорее!

– Не, не могу, мама ещё тому гаду нос не отсушила! – заупрямилась спросонья малышка.

– Да отсушила уже, и нос, и уши, и всё-всё! – нервно оглянулась Веста. Муха испуганно уставился на неё, но она молча отворила дверь и выскочила во двор. Ворота призывно покачивали открытыми настежь створками, собак не видно, вот и славненько. Они прокрались по двору и дружно рванули вдоль по переулку.

Следующий день выдался солнечным, город красовался, до блеска вымытый вчерашним ливнем. Веста с Хитаной, просидев и пробоявшись до обеда, после всё-таки ушли работать. Не в пример вчерашнему, гадалось прекрасно – после обеденного сна на улицу, согретую уже почти осенним

солнышком, выплыли купчихи, охочие до таинственных предсказаний. Да и прочая «чистая» публика была очень даже расположена развлечься. Так что вчерашнее происшествие немного сгладилось, и под конец дня Хитана перестала замирать, испуганно вглядываясь в лица. Возвращались под вечер, довольные и усталые, радостно смеясь, вприпрыжку сбежали по лесенке и вдруг Веста замерла, прислушалась.

В их комнате разговаривали двое: Муха, похоже, горячо убеждал кого-то, а ему отвечали глубоким, странно знакомым голосом. Веста хотела подслушать, но Хитана решительно поднырнула под её преграждающую руку и, влетев в комнату, напустилась на Муху с порога:

– Ты кого к нам опять притащил? И так уже весь день через твои ноги с мамой прыгаем! Не нужен нам больше никто! – тут Веста решительно шагнула через порог и обмерла: на Мухиной лавке сидел старый солдат Данила, да только одет он был в боярское платье. Он, как зачарованный, молча смотрел на Хитанку, а она аж притопывала, гневно сжав кулачки. Веста быстренько спрятала её за свою спину и, проглотив комок, робко сказала:

– Прости уж неразумную, господин хороший! Совсем она у меня ещё глупая. А то прикажи – сама накажу дочку, чтоб на добрых людей не кидалась!

– Не бойся, девушка, я с добром к вам пришёл.

Он замолчал, поглаживая рано поседевшую бороду. Тишина зависла в комнатке. Потом Данила как будто нехотя оторвал взгляд от Хитаны, заговорил снова. Слова тяжёлыми камешками катились на пол:

– Ты мне дочку от лютой смерти спасла, единственную мою. Теперь я перед тобой должник вечный.

– Да что вы говорите, господин! – отчаянно вскрикнула Веста. – Это моя девочка! – и опустила глаза под его страдающим взглядом.

– Я мамина!!! – заревела Хитана, совсем зарывшись в юбки. И, на секундочку выглянув оттуда: – А ты страаашный!!!

– Ладно, маленькая, я уйду сейчас, не бойся. Веста, ты приходи ко мне, как захочешь. И девочку приведи, прошу тебя. Вот, возьмите на первое время, – он, тяжело поднявшись, вышел. На столе остался увесистый кошель с монетами. Веста с Мухой переглянулись. Муха решительно уселся и сказал:

– А теперь расскажи нам с Хитаной всё.

– Тоже мне, глава семьи! – усмехнулась Веста. – Ладно, слушайте ...

– Я вам не Машенька, не Машенька! – Хитана перешла на визг, и Веста взлетела по лесенке. При виде разъярённой цыганки ключница поджала губы и засеменила вон. Да что же это такое! На чердак, во двор и в подпол нельзя – боярин не велел, со двора нельзя – без провожатых по чину не положено! Сиди да вышивай в горнице! А она и вышивать-то никогда не умела! Теперь вот ещё и Хитану переименовать решили! А боярин весь день в княжеской палате занят, вечером частенько пьян, а утром хмур – попробуй, поговори по душам! Да за спиной шепотки эти «цыганки, гадалки, воровки»! Обернёшься – все глазки попрытали – и не угадаешь, кто. Нет, кормят хорошо, конечно... в глаза ни словечка поперёк не скажут... и одели-обули, как знатных – а всё же душно в боярском в тереме, ну просто моченьки нету!

После того вечера Данила приезжал снова и снова, задаривал Хитану сладостями, а Весту колечками да серьгами с ясными камушками, смотрел на девочку большими, жалкими глазами. Когда он был рядом, становилось заметно, как Хитана похожа на отца, и сердце Весты замирало от дурных предчувствий. Данила очень просил их пожить у него – как хотят, хоть пусть обе ему дочками будут. Клялся-божился, что ничем не обидит, ничего для них не пожалеет, как помрёт –

всё в наследство останется. Но Хитана долго боялась войти в тот дом, где им было так холодно, голодно и боязно. А Веста понимала и жалела этого сильного человека, так страшно, из-за предательства, потерявшего семью. Наконец девочка перестала дичиться и согласилась немного погостить у Данилы Савича. В первый же вечер им устроили настоящий пир! Только для них, маленьких цыганок, играли музыканты и бегали слуги, таская большие блюда с едой! Хитана с Вестой, сияя, сидели во главе стола, им казалось, что теперь праздник будет всегда! Наутро они с Данилой Савичем выбирали в лавках платья, примеряли, покупали, хохотали и бросались одеждой, а приказчики только улыбались, глядя на довольное лицо боярина. Потом катались в экипаже, потом ходили в гости к каким-то важным господам, но господа оказались такими надутыми, что Веста с трудом сдерживала смех, Хитанка хохотала в голос, а Данила хмурился. Вернувшись, девочка так похоже передразнивала их, что сердитый Данила махнул рукой и тоже рассмеялся. Но с тех пор он не пытался познакомить их с кем-нибудь. Теперь они с Хитаной гуляли по городу в открытой коляске в сопровождении двух здоровенных холопов, и Веста, оглядываясь на них, не раз думала – уж не эти ли молодцы так ловко умеют накидывать мешки на головы? Праздник постепенно сошёл на нет, и Веста начала понимать, что они совсем чужие этому дому, этой жизни. Данилу здесь любили, настрадавшись от прежнего хозяина, а их с трудом терпели, считая наглыми самозванками.

Подошёл к концу ещё один пустой, никчёмный день. За окошком давно улеглось в облака усталое солнышко и Веста, уложив Хитану, присела с картами к столу. На картах три раза подряд легла дальняя дорога ...

Когда совсем стемнело, в окошко тихонько поскреблись снаружи. Их горница была на втором этаже, а стенки терема –

тёсаные, гладкие. Но Веста знала одного такого, ловкого... прислушалась – во дворе и в тереме тихо – и распахнула окно. Муха мгновенно очутился в комнате.

– Здравствуй, цыганская царевна! Как вы тут поживаете? Ваш петух соскучился, меня поразведать послал!

– Всяко живём, сладко едим, мягко спим – не жалуемся! А как ты? Хочешь есть?

– Ты что думаешь, я без тебя с голоду пропадаю? – обиделся он. – Да я, если хочешь знать, неплохо на постройке баньки заработал. Мужики меня с артелью зовут по сёлам, плотничать. – Он поднял на неё взгляд, который она про себя называла «собачьим».

– Веста, тебе тут не надоело? Сладко есть да спать? Пошли бы вместе, а? Чем тебе артель не табор? Я заработаю, не бойся, голодать не будем!

– Ты совсем дурной, Муха! Кем я у вас буду? Одна девка на столько мужиков – да передерутся же все!

– А ты... женой моей назовись! – и смотрит, серьёзно-серьёзно...

– Ох, Муха, голова твоя дурная... – она отвела глаза, покраснела. – А не боишься цыганку в жёны звать?

– Боюсь, – опустил он голову, помолчал, – боюсь, что прогонишь меня, что в тереме этом сытом захочешь остаться! Пошли отсюда, Веста, не хочешь женой – просто пошли, так просто уйдём, втроем, без артели! Лошадку, кибитку к зиме прикупим, сам цыганом для тебя буду, ей Богу! Я же вижу – одеты вы богато, а глаза у обоих погасли. Плохо вам тут, иль сама не замечаешь?

– Ма-ам, пошли-и-и отсюда! – Хитана подняла голову с подушки. Золотые волосы, рассыпанные по плечам, блестели при свете свечи, глазки сонно моргали.

– Это что ещё за советчик! – напустилась на неё Веста. – А ну-ка спать сейчас же!

Уходили ночью. Муха тихонько открыл им все двери – вот ведь умел бы так чего доброго делать, думала Веста, шагая по мягкой прохладной пыли ночной дороги. Муха молча топал рядом, ведя в поводу смирную кобылку, на которую пошли почти все их деньги. Хитана, обняв петуха, клевала носом на её спине, а они с двух сторон следили, чтобы девочка не упала. Отмахали уже немало, но обычно разговорчивый Муха мрачно молчал, глядел под ноги, а Веста молчала обиженно, подозревая, что он уже раскаялся в своём порыве. Только пели по обочинам ночные кузнечики, шумел лес да глухо топала по мягкой пыли лошадь. Вдруг Веста заметила впереди блики костра, гуляющие по нижним веткам большой сосны, и вся подобралась – не лихие ли люди? Только она собралась пихнуть Муху, как сверху, с лошади раздался звонкий голосок:

– Данила Савич! Ты нас ждёшь, да? Как ты догадался? Мы же почти убежали от тебя! – Веста, понурившись, подошла к костру, ей вдруг стало очень стыдно. Даже не простились, побоялись, что не отпустит! Данила сидел один, напряжённо глядя в огонь, опять в поношенной одежде отставного солдата. Как в тот вечер, когда слушал незатейливый рассказ цыганки о своей, уже похороненной, дочери. Он медленно поднял голову – и вдруг Хитана со звоном обрушилась на него с лошади, едва не свалившись в костёр, засмеялась, затеребила сивую бороду. Потом, суматошно хлопая крыльями, спикировал петух. Для девочки весь этот ночной побег был просто игрой, интересным приключением. Данила улыбнулся, усадил её поудобнее на колени, достал из кармана пряник.

– А вы чего там мнётесь? Веста, садись к костру, хозяйствуй, каша доходит. И ты не стой, парень, как, говоришь, тебя зовут?

– Данила Савич, прости уж нас, но мы с Хитаной к вам не вернёмся. – Веста подняла виноватые глаза, дерзко трянула

головой. – Аль отнимешь у меня дочку, боярин? За всё доброе?

– За что таким гадом величаешь – у матери дочку отнять? Я с вами, мои хорошие, собрался! Не прогоните? – Хитана взвизгнула, снова повисла у него на шее, и Веста с облегчением выдохнула:

– Не прогоним...

Наутро в ближайшем городке была куплена хорошая тёплая цыганская кибитка.

25.12.2008 г.